

Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. : Опыт исторического комментария. М., 1909.

Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.

Ковальчук А. В. Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века текстильное производство. М., 1999.

Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999.

Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. Челябинск, 2003.

Омельченко О. А. Государственное хозяйство и экономическая реформа в законодательной политике «просвещенного абсолютизма» в России // A Window on Russia: Papers from V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Gargnano, 1994 / Ed. M. di Salvo, L. Hughes. Rome, 1996. P.75—81.

ОПИ ГИМ, ф. 92. д. 34.

Орлов В. Г. [Дневники]. Путешествие по Волге // Орлов-Давыдов В. П. Биографический очерк графа В. Г. Орлова. РА. 1908. Кн. 2. С. 315-345.

Прибавление к № 49 Санкт-Петербургских ведомостей от 19 июня 1767 г. СПб., 1767.

ПСЗ. Т. 1, № 1 (гл. 19, ст. 17); Т.18, № 12872, № 12949, № 13090, № 12891, № 12904, № 13101.

РГАДА, ф. 16, д. 382, д. 720, д. 1010; ф. 248, кн. 3629, кн. 4428, кн. 5484.

Санкт-Петербургские ведомости: Изъяснение к № 44 капитаном Тихвиным. СПб., 1767.

Сб. РИО. 1867. Т. 1; 1871. Т. 7; 1872. Т. 10.

Семевский В. О. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1901. Т.2.

Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ея Императорского Величества в белорусские наместничества. СПб., 1780; 1789.

С. В. Любичанковский

ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС УРАЛА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

В конце XIX — начале XX в. российское губернское управление представляло собой сложную систему учреждений, формировавшуюся уже более столетия. Описанию этой системы, ее достоинств и недостатков посвящена обширная литература. Преимущественное внимание в ней уделено функционированию отдельных институтов власти — их структуре, основным направлениям деятельности и т. п.

Между тем еще до революции отечественным научным сообществом было сформулировано положение о том, что «как бы ни было стройно и целесообразно задумано местное административное устройство, — его будущая судьба, его деятельность будут всегда зависеть от того, какие служилые люди наполняют местные учреждения». Ведь в конечном итоге «управляют не учреждения, но люди» [Страховский, 1913, 171]. Долгое время этот тезис не реализовывался в полной мере в конкретно-исторических исследованиях. В Российской империи этому мешали цензурные ограничения. Советская наука долгое время вообще не считала

нужным изучать «реакционное» управление [см. об этом подробнее: Любичанковский, 2003, 11—12], а тем более его работников в регионах.

Только в конце 1970-х гг. было открыто заявлено, что «наряду с расстановкой общественных сил, определенной политической системой» на внутреннюю политику страны «оказывают немалое влияние и люди, стоящие во главе администрации» [Зайончковский, 1978, 5]. Дальнейшее развитие исторической науки показало, что раскрытие этого влияния происходит двояко. Первый путь состоит в изучении биографий конкретных должностных лиц и имеет многочисленных приверженцев, в первую очередь среди краеведов [см., например: Астраханские губернаторы, 1997; Пермские губернаторы..., 1997; Семенов, 1999; Алексушин, 1996; Губернаторы Вятки, 2000; по тому же принципу (рассмотрение эволюции института губернаторства через деятельность «выдающихся государственных мужей») построена работа: Манько, 2004]. Второй путь предполагает выделение определенных социокультурных параметров (уровень образованности, возраст, вероисповедание и т. д.) и проведение их анализа применительно к группам должностных лиц. Такая работа была проделана П. А. Зайончковским, П. Н. Зыряновым, Л. М. Лысенко и др., и в первую очередь по отношению к губернаторам [см.: Зайончковский, 1978; Зырянов, 1982, 284—285; Лысенко, 2001а, б; Матханова, 2002; Козельчук, 2002; и др.]. Оба подхода дополняют друг друга, позволяя увидеть общее и особенное в процессах функционирования государственного аппарата на местах.

Целью данной статьи является социокультурный анализ вице-губернаторского корпуса Уральского региона в конце XIX — начале XX в. Выбор предмета исследования продиктован двумя обстоятельствами. Во-первых, разработка этого вопроса лежит в общем русле развития исторической науки, которая сегодня уделяет большое внимание изучению так называемых «персоналий» и их групп. Повидимому, эта тенденция объясняется реакцией на имевшие место в прошлом попытки навязать ей для объяснения исторического процесса социологизаторские схемы, в которых не было место людям. Во-вторых, социокультурный подход имеет внутреннюю логику движения от изучения групп чиновников с большей компетенцией к изучению должностных лиц с меньшими властными полномочиями. Эта логика продиктована здравым смыслом, который подсказывает, что выяснение социокультурных параметров начальников важнее, чем аналогичная характеристика подчиненных. Губернаторский корпус с этой точки зрения в целом уже изучен — как в масштабах всей империи [см.: Лысенко, 2001б; Robbins, 1987], так и в территориальных рамках Урала [см., например: Богатырева, 2004, 169—173 (о вятских и пермских губернаторах); Любичанковский, 2004а, в (об оренбургских гражданских губернаторах и генерал-губернаторах)]. Написан портрет типичного начальника европейской губернии конца XIX — начала XX в. [Robbins, 1987]. Напротив, специальных работ, посвященных вице-губернаторам, не имеется, хотя по ряду параметров за отдельные годы данные опубликованы [о некоторых данных по европейским губерниям за 1903 г. см.: Зайончковский, 1978, 215—216; см. также отдельные данные по европейским губерниям за 1914 г.: Зырянов, 1982,

285.]. Таким образом, на сегодняшний день сложились объективные условия для того, чтобы обратить пристальное внимание на вице-губернаторский корпус.

Как должностное лицо вице-губернатор играл важную роль в государственном управлении на местах в исследуемый период. Закон объявлял его помощником губернатора, старшим в губернии после губернатора лицом [см.: Общее Учреждение губернское, ст. 481]. Он должен был принимать участие «во всех губернских комитетах, комиссиях и учреждениях, состоящих под председательством» начальника губернии, «дабы во всякое время знать ход и положение дел» [Там же, ст. 482]. При этом главной его обязанностью было осуществлять «ближайший и ответственный надзор по всем частям Губернского Правления» [Там же, ст. 480]. В компетенцию вице-губернатора входило замещение губернатора «в случае болезни, отсутствия или увольнения» последнего [Там же, ст. 267, 480, 485].

Хронологические рамки работы охватывают период 1895—1915 гг. Это насыщенное разнообразными событиями двадцатилетие составляет основную часть царствования Николая II. Выбор нижней границы продиктован тем, что в 1895 г. названный самодержец впервые сам назначил своего министра внутренних дел — И. Л. Горемыкина. Именно от МВД зависело назначение вице-губернаторов. В 1915 г. правительство существенно изменило распределение обязанностей среди высших чинов губернской администрации. По докладу министра А. Н. Хвостова от 20 октября было издано высочайшее повеление, согласно которому за губернаторами оставалось «общее руководство управлением губернией». Местные власти были извещены телеграммой о том, что отныне заниматься «текущими делами по управлению губерниями» должны вице-губернаторы [см. об этом: Вятская речь, 1915, 3; Уральская жизнь, 1915; Оренбургская жизнь, 1915; Государственный архив Пермской области]. Изменение нормативно-правовой базы деятельности указанных должностных лиц послужило основанием ограничить верхнюю рамку исследования 1915-м г.

В изучаемый период Уральский регион представлял собой совокупность четырех губерний — Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской. Это был обширный край площадью около 800 тыс. кв. км (одна шестая часть территории Европейской России, без учета площади Польши и Финляндии), на территории которого проживало более 12 млн человек. Управление губерниями Урала было выстроено в соответствии с нормами Общего Учреждения губернское (издания 1892), что делает корректным сравнительный анализ их вице-губернаторского корпуса.

Источниковой основой исследования явился ежегодно издаваемый «Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел» [1895—1913]. На сегодняшний день, в условиях отсутствия полного комплекта формулярных списков местных чиновников, названный официальный справочник является ценным и во многом уникальным статистическим пособием, составленным в свое время специально для того, чтобы систематизировать по единой схеме и предать гласности информацию, содержащуюся в формулярных списках, облегчив тем самым ее анализ.

Изучение каталогов Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки, Российской национальной библиотеки, Национальной библиотеки Республики Башкортостан, областных научных библиотек Кирова, Оренбурга и Перми, а также библиотечных фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Кировской области, Государственного архива Оренбургской области, Государственного архива Пермской области, Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан позволило установить, что ни в одном из перечисленных учреждений нет в наличии полного комплекта указанного справочного издания за 1895—1915 гг. Однако все вместе они содержат названные ежегодники за интересующий нас период, кроме 1905, 1906, 1914 и 1915 гг.

По адрес-календарям удалось выяснить, что в 1895—1915 гг. на Урале работали (годы работы указаны в скобках) следующие вице-губернаторы:

— в Вятской губернии: Н. Н. Новосельский (1895—1902), В. М. Миркович (1902—1906), А. Ф. Шидловский (1906—1907), Д. Д. Григорьев (1907—1910), С. С. Дьяченко (1910—1913), В. Э. фон Ден (1913—1915);

— в Оренбургской губернии: И. Н. Соколовский (1895—1902), А. М. фон Кауфман (1902—1904), М. М. Эверсман (1904—1910), А. В. Сумароков (1910—1912), Д. О. Тизенгаузен (1912—1915);

— в Пермской губернии: М. П. Богданович (1878—1901), Б. П. Цехановецкий (1901—1904), И. В. Сосновский (1904), М. В. Стрижевский (1904—1906), Н. Н. Коптев (1906—1907), В. И. Европеус (1907—1916);

— в Уфимской губернии: Н. Н. Хрушов (1895—1900), Н. И. Булычев (1900—1902), И. Л. Блок (1902—1904), Н. Е. Богданович (1904—1905), А. И. Келеповский (1905—1906), А. Г. Толстой (1906—1917)

[см.: Уральский торгово-промышленный адрес-календарь, 1899—1915].

Этот список доказывает, что обнаруженные в библиотеках ежегодники содержат информацию, которая по большей части уже была опубликована в предыдущих выпусках этого издания: большинство вице-губернаторов региона было назначено на свою должность в другие годы, по которым сохранились указанные книжки. В итоге, из 23 вице-губернаторов, которые работали на Урале в 1895—1915 гг., у нас нет данных только на трех человек (13,04%) — пермских чиновников И. В. Сосновского и М. В. Стрижевского, а также уфимского А. И. Келеповского. Эти условия можно считать благоприятными для проведения статистического анализа.

Начнем анализ с возрастной характеристики вице-губернаторов. Точными датами рождения всех указанных лиц мы не располагаем. Поэтому возраст рассчитан на основе данных о времени поступления чиновника на государственную службу путем прибавления к этой дате двадцати лет — периода времени, в течение которого человек успевал получить образование. Применение этой методики к чиновникам (губернаторам и вице-губернаторам уральских губерний), дата рождений которых известна [Список высших чинов центральных и местных установлений, 1907, 1913], было оправданным. Погрешность полученных на ее

основе данных составляет около двух лет. В табл. 1 чиновники распределены по пятилетним возрастным интервалам в соответствии с общепринятой практикой [см., например: Зайончковский, 1978, 214—219; Лысенко, 2001а, 351; Россия, 1913 г., 1995, 264].

Таблица 1*

Динамика возраста вице-губернаторов Урала за период 1895—1915 гг.

Возрастные параметры, лет	Количество по губерниям, чел					% к общему числу
	Вятская	Оренбург- ская	Пермская	Уфимская	Общее число	
1895						
31—35	0	0	0	0	0	0
36—40	1	0	0	0	1	25,00
41—45	0	1	0	0	1	25,00
46—50	0	0	0	0	0	0
51—55	0	0 0 1	1	25,00	0	0
66—70	0	0	1	0	0	25,00
Всего	1	1	1	1	4	100
1915						
31—35	1	0	0	0	1	25,00
36—40	0	0	0	0	0	0
41—45	0	1	1	0	2	50,00
46—50	0	0	0	1	1	25,00
51—55	0	0	0	0		
66—70	0	0	0	0	0	0
Всего	1	1	1	1	4	100

* Источник для этой и последующих таблиц (табл. 2—9): [Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел, 1895—1913].

Анализ приведенных данных позволяет сделать вывод о том, что вице-губернаторский корпус Урала за исследуемые 20 лет помолодел. Если в 1895 г. половина его состава была старше 50 лет, то в 1915 г. таковых не оказалось в наличии. И в начале, и в конце периода наиболее молодыми вице-губернаторами Урала были вятские (соответственно Н. Н. Новосельский и В. Э. фон Ден). Наиболее пожилым вице-губернатором региона был М. П. Богданович: к моменту ухода со своего поста в 1901 г. ему было более 70 лет. На основании изложенного можно считать, что уральские вице-губернаторы в изучаемый период находились в расцвете интеллектуальных возможностей.

Семейное положение исследуемой группы лиц отражено в табл. 2.

Таблица 2

Семейное положение вице-губернаторов Урала при вступлении на должность

Параметры	Показатели по губерниям									
	Вятская		Оренбургская		Пермская		Уфимская		Итого по Уралу	
	Кол-во чело- век	% к об- щему числу	Кол-во чело- век	% к об- щему числу	Кол-во чело- век	% к об- щему числу	Кол-во чело- век	% к об- щему числу	Кол-во чело- век	% к об- щему числу
Женат	5	83,33	5	100,00	4	66,67	3	50,00	17	73,91
Холост	1	16,67	0		0		1	16,67	2	8,70
Вдовец	0		0		0		1	16,67	1	4,35
Нет данных	0		0		2	33,33	1	16,66	3	13,04
<i>Всего</i>	<i>6</i>	<i>100,00</i>	<i>5</i>	<i>100,00</i>	<i>6</i>	<i>100,00</i>	<i>6</i>	<i>100,00</i>	<i>23</i>	<i>100,00</i>

Из таблицы видно, что более 73 % вице-губернаторов при вступлении в должность были женаты. Правительство явно предпочитало назначать на столь важный в губернской администрации пост мужчин с устроенной семейной жизнью. У читателя может возникнуть сомнение: а мог ли в принципе реализовываться иной подход применительно к руководящим кадрам губерний? Факты позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. Так, например, согласно нашим подсчетам все без исключения советники Оренбургского губернского правления, назначенные на эту должность в период с 1893 по 1903 г. (И. М. Страховский, Н. Н. Ардашев, Н. В. Смирницкий), были холосты [см.: Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел, 1895, 342, 322, 418]. Для вице-губернаторов региона была характерна совсем иная картина.

Кем были уральские вице-губернаторы по вероисповеданию? Ответ на этот вопрос содержится в табл. 3.

Таблица показывает, что среди исследуемых чиновников доминировали православные (как минимум 18 человек из 23). Среди чиновников, о которых сохранились соответствующие сведения, только 1 человек был католиком (Б. П. Цехановецкий) и 1 лютеранином (В. Э. фон Ден). Таким образом, многоконфессиональность региона, наличие многочисленного мусульманского населения не отразились на составе вице-губернаторского корпуса. Необходимо отметить, что аналогичная ситуация была характерна и для нижестоящего чиновничества губернских правлений [см.: Любичанковский, 2003, 112—113]. В него входили даже иудеи (например, пермский губернский архитектор в 1891—1908 гг. Н. М. Зелях), но не было ни одного человека, исповадовавшего ислам. Все это могло создать дополнительные трудности в выполнении должностных обязанностей, особенно после принятия законов о веротерпимости 1905—1906 гг. В этих условиях чрезвычайно важную роль играло образование вице-губернаторов. Данные о нем приведены в табл. 4.

Т а б л и ц а 3

Вероисповедание вице-губернаторов Урала

Параметры	Показатели по губерниям									
	Вятская		Оренбургская		Пермская		Уфимская		Итого по Уралу	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Православные	5	83,33	5	100,00	3	50,00	5	83,33	18	78,26
Католики	0		0		1	16,67	0		1	4,35
Лютеране	1	16,67	0		0		0		1	4,35
Нет данных	0		0		2	33,33	1	16,67	3	13,04
<i>Всего</i>	6	100,00	5	100,00	6	100,00	6	100,00	23	100,00

Т а б л и ц а 4

Образовательный уровень вице-губернаторов Урала

Образование	Показатели по губерниям									
	Вятская		Оренбургская		Пермская		Уфимская		Итого по Уралу	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Военное	2	33,33	3	60,00	1	16,67	1	16,67	7	30,44
Гражданское:										
высшее	4	66,67	2	40,00	2	33,33	4	66,66	12	52,17
среднее	0		0		1	16,67	0		1	4,35
Нет данных	0		0		2	33,33	1	16,67	3	13,04
<i>Всего</i>	6	100	5	100,00	6	100,00	6	100,00	23	100,00

Цифры свидетельствуют, что почти треть вице-губернаторов региона имели военное образование. Аналогичную картину зафиксировал в своем исследовании применительно к 1903 г. и всем европейским губерниям России П. А. Зайончковский. Таким образом, данный показатель не был специфичным для Урала. Поскольку речь идет о гражданской должности, наличие на ней профессионального военного, на наш взгляд, означало неадекватную подготовленность к несению своих служебных обязанностей. Особенно много (60 %) их было в Оренбургской губернии. И если местный гражданский губернатор одновременно являлся еще и наказным атаманом Оренбургского казачьего войска [см.: Учреждение Гражданского управления казаков, ст. 192, 193], что объясняло наличие военных людей

на этом посту в исследуемый период, то вице-губернатор никаких обязанностей по казачьему отделу не нес, следовательно, надобности в военных специалистах на этом посту не было.

Важно отметить, что аналогичная ситуация в регионе имела место и в отношении руководящего состава губернских правлений — «высшего в губернии места» [Общее Учреждение губернское, ст. 436]. Так, в 1907—1913 гг. в среднем он состоял на четверть из чиновников с военным образованием, причем прослеживалась четкая тенденция роста этой группы должностных лиц [см.: Любичанковский, 2003, 113—116]. Таким образом, кадровая политика в отношении уральских вице-губернаторов по данному показателю находилась в общем русле региональной кадровой политики в отношении высшего губернского чиновничества.

Тем не менее даже при наличии серьезной военной составляющей как минимум 52,17 % вице-губернаторов имели высшее гражданское образование (Санкт-Петербургский, Новороссийский, Казанский университеты, Александровский лицей и др.). Среднее гражданское образование среди вице-губернаторов Урала имел только М. П. Богданович, который закончил Полтавскую гимназию).

Уровень образованности вице-губернаторов четырех уральских губерний менялся со временем. Эта динамика представлена в табл. 5.

Т а б л и ц а 5

Динамика образовательного уровня вице-губернаторов за период 1895—1915 гг.

Образование	Показатели по губерниям, чел.									
	Вятская		Оренбургская		Пермская		Уфимская		Итого по Уралу	
	1895	1915	1895	1915	1895	1915	1895	1915	1895	1915
Военное	0	0	1	1	0	1	0	1	1 (25,00)	3 (75,00)
Гражданское: высшее	1	1	0	0	0	0	1	0	2 (50,00)	1 (25,00)
среднее	0	0	0	0	1	0	0	0	1 (25,00)	0
Всего	1	1	1	1	1	1	1	1	4 (100,00)	4 (100,00)

Анализ приведенных данных позволяет оценить динамику изменения образовательного уровня вице-губернаторов региона в 1895—1915 гг. как негативную. Доля высшего гражданского образования снизилась вдвое, а военная составляющая возросла в три раза и стала преобладающей. Влияние на данный процесс вступления России в Первую мировую войну исключено, поскольку все уральские вице-губернаторы, работавшие там в начале 1915 г., были назначены еще до 1914 г. Так

что это была тенденция мирного времени. Если в 1895 г. Оренбургская губерния была единственной территорией региона, вице-губернатор которой имел военное образование, то в 1915 г. таких губерний было уже три: помимо Оренбургской — еще Пермская и Уфимская губернии, которые, следовательно, ухудшили свои позиции в этом вопросе. Только Вятская губерния осталась «на высоте» положения, поскольку и в 1895, и в 1915 г. имела вице-губернатора с высшим гражданским образованием.

Обратимся к изучению вопроса о том, в каком ч и н е находились интересующие нас лица при назначении на должность вице-губернатора? Соответствующие данные содержатся в табл. 6.

Т а б л и ц а 6

Классы чинов вице-губернаторов при их назначении на должность

Классы чинов	Показатели по губерниям, чел. (в скобках указан процент к общему кол-ву)				
	Вятская	Оренбургская	Пермская	Уфимская	Итого по Уралу
4-й	0	0	1 (16,67)	1 (16,67)	2 (8,70)
5-й	3 (50,00)	0	1 (16,67)	2 (33,33)	6 (26,09)
6-й	2 (33,33)	3 (60,00)	2 (33,33)	1 (16,67)	8 (34,78)
7-й	1 (16,67)	2 (40,00)	0	0	3 (13,04)
8-й	0	0	0	1 (16,67)	1 (4,35)
Нет данных	0	0	2 (33,33)	1 (16,66)	3 (13,04)
<i>Всего</i>	6 (100,00)	5 (100,00)	6 (100,00)	6 (100,00)	23 (100,00)

Из таблицы видно, что большинство вице-губернаторов Урала исследуемого периода назначались на должность, имея 6-й или 5-й класс чина (коллежский или статский советники). Этот вывод входит в некоторое противоречие с результатами современных исследований, согласно которым «должность вице-губернатора обычно соответствовала 5-му классу Табели о рангах» [Раскин, 1996, 758—759; см. также: Секиринский, 2001, 20; Богатырева, 2004, 167]. Однако данное утверждение не полностью согласуется и с подсчетами П. А. Зайончковского, который выяснил, что в 1903 г. на территории Европейской России почти половина вице-губернаторов (26 человек из 59) относилась к чинам 4-го класса, еще 15 человек — к чинам 5-го класса, только на третьем месте находилась группа чинов 6-го класса (11 человек) [см.: Зайончковский, 1978, 215]. Очевидно, такая конфликтность по-

зиций связана с тем, что подсчеты проводились по разным группам губерний и несовпадающим временным интервалам. Однако, кто бы ни оказался прав в конечном итоге, сегодня на основании приведенной выше информации можно утверждать, что на Урале в этой сфере в 1895—1915 гг. существовала региональная специфика. Она заключалась в том, что здесь чиновники меньшего ранга становились вице-губернаторами чаще, чем в других губерниях империи.

Наиболее заслуженными (с точки зрения рассматриваемого показателя) были пермский чиновник Б. П. Цехановецкий и уфимский Н. Н. Хрущов — они являлись действительными статскими советниками, и обращаться к ним следовало как к губернаторам: «Ваше превосходительство».

Важное социокультурное значение имеет выяснение вопроса о стаже работы уральских вице-губернаторов. Мы располагаем данными о трех видах такого стажа: государственная служба, ведомство МВД и должность вице-губернатора. Эта информация приведена в табл. 7—9.

Таблица 7

Стаж работы вице-губернаторов на государственной службе

Временные периоды	Показатели по губерниям, чел. (в скобках указан процент к общему кол-ву)				
	Вятская	Оренбургская	Пермская	Уфимская	Итого по Уралу
1900—1904	1 (16,67)	0	0	0	1 (4,35)
1895—1899	1 (16,67)	0	0	0	1 (4,35)
1890—1894	0	2 (40,00)	0	1 (16,67)	3 (13,04)
1885—1889	2 (33,32)	1 (20,00)	1 (16,67)	1 (16,67)	5 (21,74)
1880—1884	0	0	1 (16,67)	1 (16,67)	2 (8,70)
1875—1879	1 (16,67)	1 (20,00)	1 (16,67)	0	3 (13,04)
1870—1874	1 (16,67)	1 (20,00)	0	1 (16,67)	3 (13,04)
1860—1864	0	0	0	1 (16,67)	1 (4,35)
1845—1849	0	0	1 (16,67)	0	1 (4,35)
Нет данных	0	0	2 (33,32)	1 (16,65)	3 (13,04)
<i>Всего</i>	<i>6</i> <i>(100,00)</i>	<i>5</i> <i>(100,00)</i>	<i>6</i> <i>(100,00)</i>	<i>6</i> <i>(100,00)</i>	<i>23</i> <i>(100,00)</i>

Т а б л и ц а 8

Стаж работы вице-губернаторов в МВД

Временные периоды	Показатели по губерниям, чел. (в скобках указан процент к общему кол-ву)				
	Вятская	Оренбургская	Пермская	Уфимская	Итого по Уралу
1905—1909	2 (33,33)	0	0	0	2 (8,70)
1900—1904	0	2 (40,00)	0	0	2 (8,70)
1895—1899	1 (16,67)	1 (20,00)	0	3 (50,00)	5 (21,73)
1890—1894	2 (33,33)	1 (20,00)	2 (33,33)	1 (16,67)	6 (26,08)
1885—1889	1 (16,67)	0	0	0	1 (4,35)
1880—1884	0	1 (20,00)	1 (16,67)	0	2 (8,70)
1870—1874	0	0	0	1 (16,67)	1 (4,35)
1855—1859	0	0	1 (16,67)	0	1 (4,35)
Нет данных	0	0	2 (33,33)	1 (16,66)	3 (13,04)
<i>Всего</i>	6 (100,00)	5 (100,00)	6 (100,00)	6 (100,00)	23 (100,00)

Таблицы показывают, что большинство вице-губернаторов региона (13 человек) поступило на государственную службу в период 1875—1894 гг. Только один чиновник вступил на службу еще в 1-й половине XIX в. (пермский чиновник М. П. Богданович), а двое — в исследуемый в статье временной промежуток (оба вятские чиновники — С. С. Дьяченко и В. Э. фон Ден). В системе МВД в этот же период начали работать уже 9 человек — столько же, сколько в предшествующие 15 лет (1880—1894). Это доказывает, что большинство вице-губернаторов Урала имели опыт работы в иных ведомствах. Безусловно, приобретенные там знания помогали им избегать узковедомственного взгляда на вещи. Из 20 чиновников, на которых есть соответствующая информация, только двое (вятский С. С. Дьяченко и уфимский Н. Е. Богданович) начали свою государственную службу сразу в учреждениях ведомства МВД.

В свою должность все изучаемые лица, кроме одного (пермский М. П. Богданович), были назначены в исследуемый период, т. е. в 1895 г. произошла практически полная смена кадров вице-губернаторского корпуса. До 1905 г. в регион было назначено 13 вице-губернаторов, с 1905 по 1915 г. — 10 человек, т. е. до Первой

Таблица 9

Стаж работы вице-губернаторов в этой должности

Временные периоды	Показатели по губерниям, чел. (в скобках указан процент к общему кол-ву)				
	Вятская	Оренбургская	Пермская	Уфимская	Итого по Уралу
1910—1914	2 (33,33)	2 (40,00)	0	0	4 (17,39)
1905—1909	2 (33,33)	0	2 (33,33)	2 (33,33)	6 (26,09)
1900—1904	1 (16,67)	2 (40,00)	3 (50,00)	3 (50,00)	9 (39,13)
1895—1899	1 (16,67)	1 (20,00)	0	1 (16,67)	3 (13,04)
1875—1879	0	0	1 (16,67)	0	1 (4,35)
<i>Всего</i>	6 (100,00)	5 (100,00)	6 (100,00)	6 (100,00)	23 (100,00)

русской революции этих чиновников меняли чаще, чем в последующий период. Исключение составляла Вятская губерния, в которой до 1905 г. сменилось только два вице-губернатора из шести. Большая часть уральских вице-губернаторов (16 из 23) служили в своей должности до 5 лет включительно (цифры округлены до целых), еще 7 человек занимали этот пост от 6 до 24 лет. На наш взгляд, частая смена должностных лиц могла быть направлена на снижение риска недобросовестного служебного поведения. Аналогичного мнения придерживается и О. Н. Богатырева, которая, говоря о губернаторах 2-й половины XIX — начала XX в., также расценивает их смену на посту в течение 4—5 лет как «своеобразную ротацию кадров в условиях недемократической политической системы, своеобразную прививку от злоупотреблений и коррупции» [Любичанковский, 2004б, 113; см. об этом также: Богатырева, 2004, 170].

За исследуемый период в Вятской, Пермской и Уфимской губерниях сменилось 6 вице-губернаторов, в Оренбургской — 5. Таким образом, для Уральского региона этот показатель был приблизительно одинаков. На наш взгляд, такое совпадение можно рассматривать как проявление единого подхода руководства МВД к процессу смены кадрового состава вице-губернаторов на Урале.

Важно отметить, что среди 20 чиновников, информацией о которых мы располагаем, только каждый четвертый обладал каким-либо опытом вице-губернаторской деятельности. Это были вятские чиновники Д. Д. Григорьев и С. С. Дьяченко (занимали данную должность соответственно в Архангельске и Уральске), оренбургский М. М. Эверсман (начинал в Астрахани), уфимские Н. Н. Хрущов (в Тамбове, Смоленске, Херсоне) и Н. Е. Богданович (в Тургайской области). В Пермской губернии таких лиц не было вообще. Обращает на себя внима-

ние, что данный опыт изучаемые чиновники приобретали за пределами Уральского региона. Это является еще одним подтверждением высказанной ранее мысли о том, что одной из целей подобных перестановок было снижение риска злоупотреблений по службе.

Итак, социокультурный анализ вице-губернаторского корпуса Урала за период 1895—1915 гг. показал, что к подбору кадров в этом регионе власть применяла единые критерии. Типичный вице-губернатор Урала представлял собой православного женатого мужчину в возрасте до 50 лет с высшим гражданским либо военным образованием (последнее особенно характерно для последних лет периода). В момент назначения он был коллежским или статским советником, т. е. по рангу уступал большинству своих коллег, на государственную службу поступил при Александре III или в последние годы правления Александра II, успел поработать в учреждениях, не относящихся к ведомству МВД, опытом работы вице-губернатором в других губерниях не обладал и покидал свою должность в течение 2—5 лет, т. е. быстрее, чем нижестоящие губернские чиновники (особенно до Первой русской революции). Именно такому человеку власть доверяла исполнение важных функций управления в регионе на заключительном этапе существования Российской империи. С учетом социокультурных реалий Урала (большое число мусульман, наличие казачьего войска только в Оренбургской губернии и др.) можно сделать вывод о том, что выявленные показатели не были оптимальны и, следовательно, способствовали углублению кризиса российской государственности, имевшего место в этот период.

Алексушин Г. В. Самарские губернаторы. Самара, 1996.

Астраханские губернаторы: Ист.-краевед. очерки. Астрахань, 1997.

Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 — февраль 1917). Екатеринбург, 2004.

Вятская речь. 1915. № 228, 28 окт. С. 2—3.

ГАПО (Государственный архив Пермской области). Ф. 36, оп. 5, д. 95, л. 1.

Губернаторы Вятки: Дайджест из истории прошлого и настоящего. Вятка, 2000.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.

Зырянов П. Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861—1914 гг.) // Ист. зап. Т. 107. М., 1982. С. 226—302.

Козельчук Т. В. Чиновничество Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002.

Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России: Дис. ... докт. ист. наук. М., 2001.

Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII—начало XX века). М., 2001.

Любичанковский С. В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Урала). Екатеринбург, 2003.

Любичанковский С. В. Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781—1881) // Проблемы истории Оренбургского края XVIII—XX веков: К 260-летию учреждения Оренбургской губернии и 70-летию образования Оренбургской области: Сб. ст. Оренбург, 2004а. С. 33—45.

Любичанковский С. В. Социокультурный облик «главных начальников» Оренбургского края (1781—1881) // *Личность и массы в историческом процессе: Материалы межрегион. науч. конф.*, 23—24 сентября 2003 г. Уфа, 2004б. С. 112—114.

Любичанковский С. В. Социокультурный облик оренбургских гражданских губернаторов (1881—1917) как показатель государственной кадровой политики // *Оренбургский край в системе евразийских губерний и областей России: Материалы всерос. науч.-практ. конф.* Оренбург, 2004в. С. 111—114.

Манько А. В. Блюстители верховной власти: институт губернаторства в России: Ист. очерк. М., 2004.

Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.

Общее Учреждение губернское (издание 1892 г.): Свод законов Российской империи. Т. 2.

Оренбургская жизнь. 1915. № 526, 9 окт. С. 3.

Пермские губернаторы: традиции и современность / Под ред. И. К. Кирьянова, В. В. Мухина. Пермь, 1997.

Раскин Д. И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // *Из истории русской культуры.* Т. 5: XIX век. М., 1996.

Россия, 1913 год: Стат.-докум. справ. СПб., 1995.

Секиринский С. С. Роль губернаторов в управлении // *Проблемы теории и практики управления.* 2001. № 2.

Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.

Список высших чинов центральных и местных установлений Министерства внутренних дел. Ч. 2. СПб., 1907. С. 39—40, 108, 110, 117—118, 175, 177; 1913. С. 34—35, 101, 103, 110—111, 168, 170.

Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. Ч. 2. СПб., 1895. С. 100, 342, 365, 540; 1896. С. 100, 342, 365, 540; 1897. С. 101, 322, 356, 574; 1898. С. 116, 362, 404, 652; 1899. С. 116, 362, 404, 652; 1900. С. 121, 374, 416, 670; 1901. С. 121, 378, 420, 674; 1902. С. 125, 398, 440, 692; 1903. С. 129, 409, 451, 715; 1904. С. 131, 417, 459, 721; 1907. С. 135, 423, 467, 743; 1908. С. 135, 423, 467, 743; 1909. С. 135, 423, 467, 743; 1910. С. 135, 423, 467, 743; 1911. С. 135, 423, 467, 743; 1912. С. 137, 423, 467, 743; 1913. С. 137, 423, 467, 743.

Страховский И. М. Губернское устройство // *Жури. Мин-ва. юстиции.* 1913. № 9. С. 122—171.

Уральская жизнь. 1915. № 248, 7 нояб. С. 2.

Уральский торгово-промышленный адрес-календарь. Пермь, 1899—1915.

Учреждение Гражданского управления казаков: Свод законов Российской империи. Т. 2. СПб., 1903.

Robbins R. The Tsar's Viceroys. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca; L., 1987.